

ТРУП

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ШаМаШ БраМиН

ШаМаШ БраМиН

Труп

«ЛитРес: Самиздат»

2019

БраМиН Ш.

Труп / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Кирилл, успешный мужчина средних лет, топ-менеджер банка, переживает кризис среднего возраста. Сложный жизненный период усугубляется разводом. К ущемленному самолюбию, сексуальной неудовлетворенности и материальным потерям, что особо неприятно его меркантильной натуре, накладываются проблемы с психикой. Его преследует призрак – разлагающийся труп старика, хозяина дачи, убитого собственной дочерью. Галлюцинация сквалыжника и мерзавца появляется в самых неподходящих ситуациях, в моменты торжества похоти и разврата. Какое решение найдет Кирилл? Чем он пожертвует и что получит взамен? Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

1.

Отвратительно. Оболочка бессмертной души – дерьмо. Во всяком случае, здесь, в этой жизни. Все начинается с дерьма, и, понятное дело, заканчивается дерьмом. Отправная точка – пролезание капли мутной белой жидкости, напоминающая гной, в вонючий кровавый сгусток. Тоже мне, акт любви. Грязь и инфекция. А про финиш и говорить не стоит. То, что остаётся даже не все черви едят.

Все-таки клеймление обычных потребностей раскаленным тавро приличия, есть акт нагляднейшей патологии современной цивилизации. Моральные извращения со стажем на протяжении последних тысячелетий только и делают, что навязывают свои ханжеские, брезгливые словечки, параноидно пытаюсь подменить абсолютно физиологические понятия, неким благочестивым, по их собственному пониманию, амбре. Как в том анекдоте: «Да какие же это фекалии, это говно!».

«Продукты жизнедеятельности». Словосочетание с самого утра крутилось в голове Кирилла. По отдельности словечки как словечки, но сплетенные обозначают говно. Это оскорбительно и для «продуктов» и для «жизнедеятельности». Зато считается приличным.

Также и нелепость «Покойся с миром!». Это как? Возможно ли о чем-то беспокоится, будучи в состоянии трупа? Или воевать с откинутыми копытами? Бред. Но сведущие бородачи в рясах утверждают: «Таки да». На теткинских поминках, Кирилл спросил об этом попа. Тот заблеял что-то о душе, о бессмертии. Якобы на том свете душа повергается суду. Она беспокойно мечется от точки непосредственной смерти, то есть отбытия от тела, до зала высшего суда. Высказывания «Покойся с мором!» есть прямое напутствие, пожелания удачи и счастливого пути? То есть «Скатертью дорожка» и «Ни пуха не пера!» в одном флаконе. А учитывая грядущий суд, приговор и этап – «Желаю форта воровского!». «Получается, – думал мужчина, – душа, по умолчанию, преступник. Иначе, зачем страшать судом? Какой-то духовный терроризм ...»

– Здорово, сосед! – вырвал Кирилла из греховных мыслей голос из-за забора.

Кирилл был по пояс в земле. Яма для сортира, пардон, отхожего места, капалась медленно. Земля здесь, в самом конце огорода, была как камень. Зброшенная пядь поросла многолетними сорняками, а корни бурьяна срослись в крепкую, как рабица, сетку.

– Здорово! – поздоровался он в ответ, откинул лопату и, трепетно, тыльной стороной ладони, вытер пот со лба. Увеличивающаяся лысина было объектом его особого беспокойства.

От жары все тело покрылась пахнущей испариной. Пот насквозь промочил потрепанную футболку и шорты. Беспокоил зуд на шее и подбородке. Результат утреннего бритья. На раздраженную кожу, кроме соленого пота, наверняка попала грязь. Кирилл тщательно следил за своей внешностью, даже здесь, на даче. Сказывался кризис среднего возраста и недавний развод. Невысокий рост, чуть ниже среднего, плотное телосложение. До первой стадии ожирения ему не хватало несколько килограмм. От былой мышечной массы мало что осталось. Фитнесс центры, по его мнению, не соответствовали отношению затраты – результат. Физическая работа на свежем воздухе, на собственном дачном участке – сопоставимый результат, при отсутствии прямых затрат. Еще материальная польза от усилий. В нем говорил экономист кредитного отдела. Кстати, еще одно из нелепых словосочетаний.

– Это чего ты там копаешь? Парт билет свой ищешь? – сосед по даче, добродушный пенсионер выпивоха, строил свое общение на зыбкой политической почве.

– Нет. У меня его и не было никогда. Я клад ищу, – отшутился Кирилл.

– Да брось. Не поверю. Это от когда банкирам клады нужны? У вас, вон, полные эти как их ... сейфы. Кладами, – дед неопределенно махнул рукой в сторону трассы. При этом его улыбка исчезла.

– Степан Саныч, какой же из меня банкир? Я экономист в банке. На зарплате. Как и всем, никогда не хватает.

Здесь Кирилл кривил душой. Во-первых, он был старшим экономистом, начальником отдела. Во-вторых, кроме зарплаты ему капали дивиденды от акции банка. В-третьих, даже после развода, у него кое-что осталось. Старую квартиру пришлось отдать жене, как и внедорожник. Сейчас он ездил на не новом Тюксоне и «ютился» в однокомнатной квартире. Просторная студия метров в семьдесят, с широкой террасой и огромной кроватью. Кровать практически не использовалась, то есть использовалась по прямому назначению – Кирилл на ней спал. Один. После развода, он решил было, что называется «сорваться с поводка» и ... Дальше решения дело не пошло. Денег на «это» мужчина не хотел тратить, а для «любви», как он думал, ему доставало внешнего вида, то есть физических упражнений. Это и послужило толчком к покупке участка со стареньким, но оригинальным домиком. «Если поставить душ, и широкую кровать, то трахаться можно и здесь» – думал он, оценивая покупку на предмет романтики.

– Не прибедняйся, Геннадич. Дело твое, – почесав затылок, дед доверительно наклонился над изгородью. – Слушай, может по пятьдесят? У меня самогончик в морозилке, а? – глаза пенсионера загорелись, а тело непроизвольно дернулось к дому.

– Не, Степан, спасибо. Жарко, боюсь, плохо станет, – Кирилл, снова взял лопату и, работая ей как штыком, принялся разбивать под ногами дно.

Развод, потеря доброй половины нажитого, да и возраст, сказались на здоровье. Давление скакало, сердечко бешено колотилось. И не то что бы от любви к супруге, там была просто привычка. Пошатнулось самочувствие, несомненно, от материального. Кирилл был жадиной. Он ненавидел отдавать даже чужое, случайно попавшее в его руки. Не говоря о своем. Сам процесс отчуждения, расставание вызывал в нем приступ омерзения, буквально физической тошноты. И согласие отдать супруге большую половину нажитого созрело не из-за любви или жалости, а из-за брезгливого желания, побыстрее закончить одиозный процесс лишения.

– Э нет, сосед. Плохо станет от радиации. Под таким солнцем точно в рептилойда, это ... мутируешь. Станешь одним из этих, педералов. Я сейчас, – дед резво рванул к своей хибарке, напоминающей строительный вагончик с пристроенной беседкой.

Кирилл с грустью посмотрел ему вслед. «Бесполезно, – обреченно подумал он. – Придется пригубить шамундяка!»

Под лопатой противно хрустнуло. Глиняный кувшин? Банкир пнул бульжник. Под ногой забелело. На фоне черной земли светло серый цвет находки показался ему белым. Мужчина присел на корточки, благо яму он задумал широкую. Раскидал рукой пыль со светлой поверхности. Фрагмент кувшина достаточно крупный. Мелькнула мысль взять лопату и расхерачить все, не останавливая работ. Но любопытство, и мать ее образованность, заставили продолжить раскопки аккуратно. Сметая пальцами, кусочки грязи и пыли, Кирилл явил на солнечный свет фрагмент ткани, плотно обтягивающие сосуд, и расплетенные, похожие на волосы, нити. Банкир ускорился. Ему не терпелось быстрее с этим покончить. От неудобной позы ноги быстро затекли, и он уже был готов бросить игру в археолога, взяться за лопату и скорее докопать сральню. Но ...

Следующий фрагмент заставил его отпрянуть. Банкир упал бы навзничь, если не грунтовая стена ямы. Из-под земли на Кирилла смотрела пустая глазница человеческого черепа. Кожа еще разлагалась, а то, что он принял за нити авоськи, оказались волосами. Какая-то необъяснимая сила заставила его отбросить панический страх. Неожиданно для себя мужчина левой рукой прикрыл нос. Правой потянулся к черепу. Пальцы сами по себе освобождали от земли вторую глазницу. Край сознания подсказывал: лучше этого не делать.

На второй глазнице черепа лежала кисть. Время, черви и могильная сырость не пощадила ее. От плоти на пальцах почти ничего не осталось, только маленькие косточки фаланг. На самой

кисти мяса сохранилось больше. Кириллу показалось, что он разглядел маленьких, бойких червячков, разъедающих остатки руки. Ладонь трупа бережливо закрывала глаза, защищая их от. ... О боже!

Кирилл в ужасе снова отпрянул. Попытался встать. Из горла непроизвольно вырывалось паническое мычание. «Заживо. Его сюда закопали заживо!» – сверкнула очевидная догадка.

– А вот и я!

Кирилл подскочил. Лихорадочно помогая себе руками, ногами шевелить он побоялся, дабы очередной раз не побеспокоить мертвеца, вылез из сортирной ямы.

– Что с тобой? – удивился сосед.

Дед стоял у забора. В одной руке он держал бутылку с надетой на горлышко рюмахой, во второй тарелку с нарезанными огурцами.

– Геннадич, ты чего? Собаку дохлую откопал? – пенсионер засмеялся – Иди, давай помянем?

Банкир был не в состоянии оторваться от полуразложившегося человеческого лица.

– Какую собаку? – почему-то спросил Кирилл. – Почему собаку?

– Не знаю какую, – улыбаясь, сказал дед. – Ты думаешь, я всех собак знаю? Дохлятиной несет.

– А? Дохлятиной? – в археологическом азарте он забыл про запах.

Кирилл лихорадочно соображал. Только милиции не хватало. И журналистов. «Хороший заголовок, – пронеслось в голове – «На заднем дворе банкира нашли труп мужчины». Или женщины. Нет. Не вариант»

– Да второй день воняет, – сказал банкир – Сурок, наверно, сдох. За забором. Надо сходить, прикопать.

– Ну, давай помянем, – предложил пенсионер. – Покойся с миром.

Примостив тарелку на столб забора, дед налил себе рюмку и залпом выпил. Довольно крякнув, наполнил ее снова, и протянул Кириллу. Мужчина, молча, выпил, рефлексивно приложив ладонь к губам. Самогон был крепок и вонюч. Ладонь, рефлексивно удерживала опрометчивый вдох, спасая горло от ожога. Заодно не давала противной бормотухе вырваться обратно. Тут он вспомнил, что минуту назад трогала эта ладонь. Кирилл отдернул руку, и громко икнул, удержав приступ тошноты.

– Хороша! – подбодрил его сосед. – Сам варил.

Банкир энергично замотал головой. Произнести что-то и не вырвать, было выше его сил. От деда надо было поскорее избавиться. Кирилл сжал кулак и погрозил соседу.

– Еще по одной? – спросил дед.

Вместо ответа банкир покачал ладонью и пошел к яме. На ходу, преодолевая тошноту, сказал:

– Нет. Сам пей это говно.

Минут десять Кирилл стоял над ямой, разглядывая свою находку. В застывшей позе трупа вырисовывалось что-то умильное, просящее. «Чем я тебе могу помочь? – думал мужчина – Чем? Навалят менты, криминалисты. Раскопают все тут, затаскают по допросам. Наверняка закроют на пару дней». От этой мысли Кирилла передернуло. Ему приходилось сидеть в КПЗ. В девяностые. Кошмарили шефа. Воспоминания неприятные, но Кирилл этого не боялся. «На бабки по любому разведут. Такого «сладкого» мимо не пропустят» – думал он. Правильней всего откопать жмура, и вечером закопать подальше за забором. Есть риск попасться, да и криминалистов нельзя недооценивать. Тогда точно статья. «А не все ли равно где тебе лежать, бродяга?» – светлая мысль, или мутный соседский самогон, сбросил с плеч огромный груз. «Клянусь, я тебя больше не беспокою! Покойся с миром!». Кирилл хмыкнул, приложил руку к сердцу, жестом доказывая искренность своих обещаний, взял лопату и заново похоронил неприкаянное тело незнакомца.

Приняв душ и надев свежую футболку, Кирилл полез в закрома. В боковом шкафчике винтажного серванта, доставшегося от предыдущих хозяев, стояли две бутылки коньяка, одна из них початая, бутылка шампанского, бутылка Мартини. Банкир держал их для особого случая, если в берлогу заглянет дама. «Желательно молодая, – мечтал Кирилл, – Хотя можно и ...» Эта мысль почему-то напугала его. Сейчас, конечно же, был не тот особый случай, но выпить все равно хотелось. Находка не давала покоя. Морясь в душе, он подумал, что неплохо бы навести справки о предыдущих хозяевах. Бумаги на покупку он подписывал через агентство, и лично знаком с владельцами участка не был. «Быстрее всего отжали. Может другой криминал. Не мое дело. Но труп в огороде точно не закрепит за мной права владения. Разуз-нать надо аккуратно. Мало ли, откуда прилетит. Предупрежден – вооружен».

Кирилл наполнил рюмку. Делиться коньяком с соседом жалко, но развязать старику язык все-таки надо. Наверняка дед обиделся из-за самогона. Банкир решил идти в магазин. Далеко, но разница между бутылкой водки из сельпо и заморским коньяком полностью оправдывает усилие. Вернулся Кирилл из магазина затемно.

– Дядя Степа! – крикнул у соседской калитки. – Ау! Пустишь?

– Кто там? – ответили из беседки.

– Я, – ответил банкир, – Кирилл Геннадьевич, сосед.

– А, Геннадич, заходи. Открыто.

Кирилл плюхнул бутылку на стол:

– Закусить найдется чем?

– А то, – Степан метнулся к холодильнику. Достал нарезанную колбасу, открытую банку рыбной консервы, свежие огурцы, и острую морковку. – Извини, сосед, хлеба нет.

Банкир разлил водку. Самую дешевую брать не стал, побоялся, а эта вроде как, и по цене и по упаковке, походила на достойную.

– Ну, давай!

Закусывая, Кирилл продолжил:

– Ты извини меня, Степа, за самогон. Не пошел он.

Сосед смотрел на него, насупившись.

– Я и не обижаюсь. Чего мне. Мы не неженки. Это вы, ваше благородье ...

– Брось, Степан, чего ты? Какое я тебе благородье? Я такой же, как и ты. Тоже люблю так вот по простому. По-душевному. По-соседски. Кстати ты как с предыдущим соседом, дружил?

– Дружил? – Степан чуть не поперхнулся. – Урод он. Жадный как не знаю кто. Когда строился, все ходил винил меня, мол, песок у него краду. Чуть до драки не дошло. Потом, дескать, я забор передвинул. Оттяпал, говорит, метр его участка. Приходили с района замеряли все по-новому. Таки у того, другого соседа забрал сантиметров двадцать по все длине. А я ему и так бы отдал. Мне не жалко. Гнилой мужик он, тухлый.

– Это точно, – не выдержал Кирилл, и чтобы не выдать себя совсем, быстро наполнил рюмки. – Давай!

– А у самого, – выпив, продолжил Степан, – все, ну все. Машина дорогая, полный сарай инструментов. Любых. Мебель, стулья, такие как раскладушки, эти ...

– Шезлонги, – подсказал Кирилл, снова наполняя стаканы.

– Да, да. Эти. Деревянный, красивые. Лежит, сука, шикует. А я, как-то хотел было занять полтинник. Ну, до пенсии, надо было. Так ведь не дал. Не дал! – дед раздраженно вскинул руки. – А сам то, сам, такой же пенсионер, как и я. Может даже старше.

– А дети, внуки? – спросил банкир, подливая.

– А что дети? Приезжала тут одна. Вроде дочка. Ругались в дым и тут же уезжала. Наверно тоже денег просила. Короче жадный был. Председатель наш, Мироныч, говорил, когда платил за свет там, за коммуналку, сосед этот сдачу до копеечки забирал. Этот, как? ... Скрыга.

– Скрыга? – удивился Кирилл. Водка расслабила сознания. Мягкая слабость окутала все тело. – А дачу чего продал?

– А бес его знает. Пропал он куда-то. Я с полгода, это, видел тут, как ее, дочь его. Спрашиваю, мол, отца давно, мол, не видно. Прихворал? А она мне, нет, говорил, пропал отец, говорит. И в слезы. Вот аккурат, вот здесь, – Степан для наглядности даже привстал, указывая на забор, – где давеча сортир копал, там она и рыдала. Я аж забор думал это ... сигануть ... ну, это, успокоить.

Язык соседа заплетался. Сам он совсем поник, уронил голову на сложенные на столе руки и тихо бубнил себе под нос конец этой странной истории.

«Интересно. Все это, интересно» – подумал Кирилл. Мысли его путались, все вокруг кружилось, вертелось. Оставив соседа за столом, он тяжело поднялся и, шатаясь, побрел к калитке. «Зачем я так налился?» – обрывисто мелькнуло в голове. Укор, тут же, сменился образом незнакомой пышногрудой женщины, заманчиво лежащей на широкой кровати и нежно ласкающей мананикюрными пальцами свою промежность.

– Уф! – вслух пыхнул Кирилл, и сильно сжал рукой пах.

Выйдя на дорогу, огляделся. Темно. Ни души. «До дому не донесу» – подумал он и растегнул ширинку. Струя громко билась о жестяной соседский забор. Пышногрудый образ снова встал перед глазами. Дама широко расставила ноги, выражая свою доступность и нетерпение. Красные ногти нежно блуждали по налитым губам. Кирилл почувствовал, как в ладони твердеет член. От возбуждения закрыл глаза. Земля из-под ног вильнула, и он чуть не упал в собственную лужу.

– Твою мать! – выругался банкир, упираясь свободной рукой в забор.

Второй рукой банкир продолжал сжимать член. Возбуждение усилилось и, казалось, останется уже не возможно. Образ распахнутой женщины поглощал все сильнее и сильнее.

Перед тем как окончательно уступить соблазну, Кирилл снова осмотрелся. Картинка темной улицы какое-то время фокусировалась. «Слева никого, – рапортовало сознание мозгу, – справа ...». В черноте по обеим сторонам узкой улицы Кирилл различал кусты. В центре, на дороге, стояло светлое пятно. Банкир не сразу увидел в нем силуэт человека.

Не выпуская член, он оттолкнулся от забора и, качаясь, повернулся к силуэту.

– Ты чего смотришь? – перешел он в наступление. – Что, поссать нельзя?

Силуэт молчал. Мужчина разглядел невысокого старичка с копнами волос над ушами, разделенными посередине лысиной. Маленькие, острые глазки, нос картошкой. Одет он был в льняной саван, который Кирилл принял за ночную рубашку. Если бы сознание банкира не было бы отравлено водкой, он бы заметил, что силуэт тускло светится изнутри. Ноги не касаются земли. Через сущность просвечиваются кусты, деревца и ворота Кириллиной дачи. Банкир бы зажмурился, испугался и закричал «Привидение! Привидение!»

Мужчина нехотя отпустил свое набухшее достоинство и с определенным усилием зачихнул его в штаны.

– Все, мужик, все – сказал он, и, покачиваясь, побрел к дому. – Поссать нельзя. Устал, извращенец.

Наутро воспоминания о находке, обоссаном заборе, и о старичке в ночнушке никуда не делись. Голова болела, но, как не удивительно мозг работать не отказывался. «Что за дед? – думал лежа в широкой постели Кирилл. – Раньше я его не видел. Надо бы у Степана спросить»

В калитку застучали. Сильно и настырно. Нехотя банкир поднялся и вышел во двор.

– Кто? – недовольно буркнул он.

– Я, – весело отозвался Степан. – А ты кого ждал? Прод комиссию ЧеКа?

Сосед противно засмеялся.

– Ты это, ... Зайди ко мне, – сквозь смех сказал дед. – Там со вчера осталось. Похмелю. Это. Друг не тот, кто наливает, а тот, кто похмеляет.

Дед засмеялся, сильнее прежнего.

«Надо пойти, – подумал Кирилл. – Опять обидится. Да и водки жалко. Вчера, черти знает куда, за ней ходил»

– Ну? – бодро спросил банкир через десять минут, садясь за стол в беседке соседа. – Рука то легкая? Лечебная?

– Еще как, – также бодро ответил Степан. – Эта, как? Экстрасенс.

За один раз допили вчерашние остатки. На душе полегчало. Сосед закурил, предлагая сигарету банкиру.

– Не. Бросил, – отказался Кирилл. – Здоровье берегу.

Степан пожал плечами.

– Саньч, – спросил банкир. – Я вчера на дороге, деда одного встречал. Раньше не видел. Кто это мог бы быть?

– Деда? – переспросил сосед. – На нашей улице?

– Да.

– А каков из себя? Тут много народу.

– Не высокий такой. Волосы вот так, – Кирилл обвел руками у головы, обрисовывая что-то типа ушей Микки Мауса, – и лысый здесь, – он провел ругой ото лба до макушки головы. – Нос такой, картошкой. Глазки маленькие, мышинные...

– Тьфу, – перебил его сосед, – Так это и есть этот, твой ... как его хозяин предыдущий.

Объявился падлюка. И что сказал?

– Ничего, – разочарованно ответил Кирилл. – Я и не спрашивал.

– О, гад, – поморщился Степан, вставая. – Потянуло в родные места. Ты это, смотри. Поаккуратнее с ним. Такой может, что угодно вытворить. Может, кажется, что дешево продал, захочет обратно забрать. Может, скажет, что забыл тут кое-чего. Миллион! – сосед хохотнул.

Пока говорил, достал их холодильника вчерашний бутыль самогона. Разлил по рюмкам. Кирилл не возражал. Ему было не по себе. «Если этот урод расскажет про труп в огороде, у меня будут проблемы. Наверняка, денег попросит. Закопал труп, и шантажирует. Сволочь». На долю секунды мелькнула догадка, что вчера ночью на дороге за рукоблудством, его застал именно этот труп, вернее сущность, оставшаяся от тела человека, закопанного в огороде. Банкир сразу отмел этот бред.

Самогон пошел на удивление легко. Даже убивающий запах казался не таким страшным.

– Я эту суку, – сказал, заедая огурцом, Кирилл, – на порог не пушу. Падла.

– Правильно, – согласился Степан. – Чем больше будешь сюсюкаться, тем крепче, это, на шею сядет. Знаю я эту породу.

– Ага, – сказал Кирилл. – Давай еще по одной и в школу не пойдем.

Сосед разочарованно присвистнул, показывая опустевший бутыль.

– А не чего. Все.

– Блин, – выругался банкир. – В магазин далеко идти.

Новость о появившемся прежнем владельце сильно его расстроила. Нужно было привести мысли в порядок. Жадность плотно закрыла ячейку мозга с информацией о закромах коньяка.

– Зачем в магазин? – спросил сосед. – Здесь, это, у Ольки можно взять. На той улице.

Дед махнул рукой куда-то в сторону.

– Идем? – спросил Степан. – Только, это, Геннадич. Я на мели. Старуха моя, это, пенсию еще в городе забрала. Пропьешь, говорит. Ведьма старая.

– А сколько надо? – предусмотрительно спросил Кирилл.

– Полтос за литру. Это... Нормального. Не паленка. Проверял.

«Дешевле чем в магазине» – подумал банкир. Вслух сказал.

– Идем. Потом сочтемся.

По дороге Степан нахваливал точку.

– У нее и дорогое есть. Городские из ресторанов забирают. Бутылки, там, это, коктейли. Есть, конечно, и брага для бомжей, но это, она не путает одно с другим. Сколько лет все наши у нее берут, это, ни разу никто, ничего.

Самогонщица оказалась хозяйкой добротного, но немного запущенного двух этажного особняка. У ворот их встретила огромная кавказская овчарка.

– Кто там? – спросил звонкий женский голос.

– Я! Степан, – крикнул сосед. – Собаку убери.

– Джек! – крикнула женщина, и собака отошла вглубь просторного вольера, – К времянке иди, за дом.

За углом их встретила бойкая женщина среднего возраста, худощавого телосложения. Светлые, убранные в хвост волосы, голубые, уже начинающие мутнеть, глаза. Милое, даже наверно симпатичное лицо портили гниющие передние зубы. По припухшим щекам и мешками под глазами можно было сделать вывод, женщина регулярно выпивает. Довершал картину костыль, на который она упиралась правой рукой.

– Здорово, красавица, – по-свойски сказал Степан. – Ба, Олька, что случилось?

Дед с испугом указывал на загипсованную ногу женщины.

– С лестницы навернулась. Чего хотел?

– Нам бы, это, Олька, хорошего, не паленного, – заговорчески пролепетал дед.

Женщина вопросительно посмотрела на Кирилла. В ее прямом взгляде не было ни испуга, ни осуждения, или порицания, чего опасался банкир. Завершающим штрихом сморин, стало еле уловимое любопытство в ее глазах. Женское любопытство. О, как он соскучился по таким многообещающим взорам.

– Это сосед мой, – успокоил ее Степан.

Женщина наклонилось за ведром под ногами, и взгляд Кирилла скользнул в декольте ее домашнего халата. Сдобная, как ему показалось, грудь не была заключена в бюстгальтер. У него в животе екнуло. Он взялся за ручку ведра.

– Разрешите? Я помогу.

– Да? – с игривым сомнением спросила женщина и чуть улыбнулась. – Ну, помогай. Туда вон за порог поставь, – обращаясь к Степану, добавила. – А деньги то есть? В долг не дам.

– Деньги – не проблема, – самодовольно ответил дед. – Мы, это, как платеж, это, способны.

Кирилл улыбнулся, и протянул женщине купюру.

– В магазин далеко идти, – почему-то оправдался он.

Олька потянулась за деньгами.

– Мельче не будет? – спросила она, глядя банкиру в глаза. Она коротко улыбнулась, и на секунду дольше положенного, задержала ладонь с ценной бумажкой в руке Кирилла.

Банкиру показалось, что женщина кокетливо смутилась, пряча купюру в карман халата. Внизу живота снова екнуло.

– Сдачи нет. Позже зайдешь? – пролепетала женщина, продолжая смотреть Кириллу в глаза.

– Зайду, – мгновенно согласился он, и хотел что-то добавить, но не смог придумать что.

– Саньч, возьми там, в доме на полу, – сказала Олька, неловко поворачиваясь на костыле.

Степан уже стоял с бутылкой в руках. В бутылке была темно коричневая жидкость, на вид напоминающая коньяк.

– Пошли, Геннадич, – нетерпеливо предложил сосед, направляясь за угол, к калитке.

Тут Кирилл вышел из ступора. Слова, наконец, нашлись.

– Можно вас угостить? – предложил он женщине.

Олька зло усмехнулась.

– Не доверяешь? – воскликнула она. – У меня все берут и никто не жаловался. Тоже мне, нашелся, потребитель, блин. Не хочешь не бери. Никого не заставляю ...

Ее перебил Степан:

– Геннадич, ты чего? Я же говорил, это, нормальная у нее, это ... товар.

– Я не в этом смысле! – чуть не крикнул от переживаний Кирилл. – Я же по нормальному. В хорошем смысле.

Слова снова покидали его голову. Он засмутился как ребенок, смотря поочередно, то на соседа, то на женщину. Только сейчас он заметил в ее глазах искорки смеха, и понял, она шутит.

– Да поняла я, поняла. За сдачей придешь, заодно и угостишь, – тихо, только для Кирилл, сказала дама на костыле.

Настроение выпить пропало. Всю обратную дорогу Кирилл думал о намечавшемся рандеву. Степана он почти не слушал, и как только они поравнялись с соседскими воротами, банкир предложил:

– Саньч, ты давай без меня начинай. Я скоро.

Не дожидаясь ответа, он пошел к дому.

Остаток дня банкир решался. С одной стороны, долгое воздержание. После развода, у него не было. Да и до развода все, что было с женой, было редко и пресно. Он усмехнулся: «Даже детей с этой стервой не сделал! У нее собачки, да шмотки в голове». За десять лет брака можно было по пальцам посчитать их близость. В этом контексте «поход за сдачей» выглядел очень даже пикантным амурным приключением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.